

НЕ СПРАШИВАЙ АННУ

Семейная сага
о любви, памяти и выборе

Есть вопросы,
на которые
не найдёшь ответа.
Но есть те,
что ведут к себе.

АЙЛИН

Айлин Айлин

Не спрашивай Анну

<https://litres.ru/74389868>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна с детства замечает то, чего не видят другие. Иногда это можно объяснить наблюдательностью, случайностью, умением читать людей. Но как объяснить знание того, что ещё не произошло?

В семье быстро появляется привычная фраза: «Спроси у Анны». Только сама Анна всё меньше хочет отвечать.

После смерти близких старые письма, фотографии и деревянный крест приводят её в Армению — к дому, который хранит тайну нескольких поколений женщин её семьи. Здесь Анна узнаёт о Мариам, исчезнувшей много лет назад, о жестоких попытках исследовать необычный дар и о людях, готовых ради знания переступить любую границу. А ещё встречает Арама — единственного человека, рядом с которым её способность словно замолкает.

Но главная тайна оказывается не в том, может ли Анна видеть будущее.

А в том, имеет ли будущее право решать за неё.

«Не спрашивай Анну» — семейная сага о любви и памяти, тайнах прошлого, цене знания и праве человека самому выбирать свою судьбу.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. ДОМ, КОТОРЫЙ ВСЁ СЛЫШАЛ	15
ГЛАВА 2. ТРИ СТУКА	27
ГЛАВА 3. ТО, О ЧЁМ МАТЕРИ МОЛЧАТ	45
ГЛАВА 4. ДО ЗАКАТА	60
ГЛАВА 5. ВОДА, КОТОРАЯ НЕ ПОМНИТ НЕБО	77
ГЛАВА 6. ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ	92
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Айлин

Не спрашивай Анну

ПРОЛОГ

Первым умер мужчина в белой рубашке.

Во всяком случае, именно так Анна запомнила тот день, хотя на самом деле мужчина не умер. До смерти ему оставалось ещё несколько минут, а потом рядом оказался врач, кто-то вовремя вызвал скорую, и жизнь, уже будто наклонившаяся к самому краю, почему-то отступила.

Анне было шесть лет.

Она сидела за праздничным столом, болтала ногами в белых колготках и старалась не задевать носками новых туфель длинную скатерть. Мама перед началом праздника уже дважды наклонялась к ней и предупреждала:

— Сиди здесь. Никуда не уходи, ничего не трогай. И, пожалуйста, Аня, сегодня хотя бы не говори людям свои странности.

Последнее, судя по маминому лицу, было самым важным. Анна кивнула.

Она давно научилась кивать взрослым, когда понимала, что выполнять обещание, скорее всего, не получится.

В зале было жарко и тесно. Пахло запечённым мясом,

сладким вином, женскими духами, горячим хлебом и цветами, уже начинавшими вянуть от духоты. Музыканты у дальней стены настраивали инструменты, родственники перекрикивали друг друга через стол, женщины поправляли волосы перед фотографиями, мужчины произносили длинные тосты, и кто-то смеялся так громко, что Анна каждый раз вздрагивала.

Ей нравилось наблюдать за людьми.

Лица были гораздо интереснее слов.

Люди вообще почему-то очень старались словами спрятать то, что их тело выдавало без всякого сопротивления.

Женщина в зелёном платье обнимала невесту, желала ей счастья и улыбалась так широко, что на фотографиях наверняка получилась прекрасно. Только ногти правой руки всё время впивались в ладонь.

Она завидовала.

Высокий мужчина возле двери разговаривал с отцом и раз в несколько секунд поправлял часы, хотя ремешок сидел нормально.

Ему хотелось уйти.

Пожилая женщина у окна внимательно кивала соседке, но взгляд её всё время возвращался к входной двери.

Она кого-то ждала.

Анна не считала свои наблюдения чем-то особенным. Ей, наоборот, было непонятно, почему остальные не замечают очевидного. Если человек говорит, что ему весело, но всё

время смотрит на часы, значит, ему не весело. Если женщина улыбается и при этом до белых полос сжимает собственную руку, значит, ей больно или неприятно. Что здесь сложного?

А мужчина в белой рубашке умирал.

Анна заметила его примерно час назад.

Сначала ничего страшного не происходило. Он несколько раз провёл пальцами под воротником, словно бабочка стала тесной, потом на виске появилась капля пота. Через минуту — ещё одна. Он перестал смеяться вместе со всеми и теперь улыбался с небольшим опозданием: кто-нибудь говорил что-то смешное, люди вокруг уже начинали смеяться, а его улыбка появлялась только через несколько секунд, будто звук доходил до него из другой комнаты.

Анна перестала есть торт.

Мужчина поднял бокал.

Рука дрогнула.

Совсем немного.

Никто не заметил.

Анна заметила.

Она посмотрела на маму. Та танцевала в центре зала среди женщин, придерживая одной рукой подол платья. Папа стоял возле выхода и о чём-то говорил с родственником жениха.

Можно было позвать их.

Но мама рассердится.

Сегодня хотя бы не говори людям свои странности.

Анна снова перевела взгляд на мужчину.

Белая рубашка потемнела возле воротника. Лицо стало слишком красным. Левая рука почти не двигалась, а пальцы правой всё чаще касались груди. Он тяжело вдохнул и слегка наклонился вперёд.

И тогда Анна поняла, что сейчас произойдёт.

Это знание не пришло словами.

Так бывало и раньше: несколько разрозненных деталей вдруг складывались вместе, будто кто-то незаметно повернул последний кусочек картинки, и после этого невозможно было увидеть её иначе.

Мужчина встанет.

Сделает три шага.

Остановится.

Возьмётся за спинку стула.

А потом упадёт.

После этого люди начнут кричать.

Анна медленно слезла со стула.

Нельзя.

Она знала.

Мама велела сидеть здесь.

Но мужчина уже отставил бокал.

Анна сделала шаг.

Потом ещё один.

Музыка ударила особенно громко, несколько человек поднялись танцевать, и на мгновение мужчина исчез за их спинами. Анна протискивалась между взрослыми, чувствуя,

как сердце колотится где-то возле самого горла.

Он появился снова.

Первый шаг.

Анна пошла быстрее.

Второй.

За столом неподалёку сидела полная женщина в сиреновом платье. Анна вспомнила, что мужчина несколько раз подходил именно к ней, наклонялся, что-то говорил и касался рукой её плеча.

Жена.

Третий шаг.

Мужчина остановился.

Анна побежала.

— Тётенька!

Женщина повернулась и машинально улыбнулась ребёнку:

— Что случилось, солнышко? Ты потерялась?

— Ваш муж сейчас упадёт.

Улыбка исчезла.

— Что?

— Ему плохо. Очень плохо. Позовите его.

Женщина посмотрела туда, куда показывала Анна.

Мужчина уже держался за спинку стула.

— Миша!

Он повернул голову на голос, попытался улыбнуться и начал медленно оседать на пол.

Музыка всё ещё играла.

Люди всё ещё танцевали.

Первые несколько секунд никто не понял, что произошло.

Кроме Анны.

И в эти секунды она уже знала продолжение.

Женщина в сиреневом платье закричит.

Из-за соседнего стола подбежит мужчина в сером костюме и скажет, что он врач.

Кто-то распахнёт окна.

Другой человек начнёт требовать воды, хотя врач кричит, чтобы ему не мешали.

Мама найдёт Анну в толпе и так сильно сожмёт ей плечи, что вечером останутся красные следы.

А потом, уже дома, родители решат, что дочь уснула, сидят на кухне и станут говорить о ней шёпотом.

Мама заплачет.

Отец долго ничего не скажет.

А после произнесёт фразу, которую Анна запомнит навсегда:

— Я начинаю её бояться.

Всё случилось именно так.

Почти.

Анна ошиблась только в одной детали.

Мужчина в белой рубашке не умер.

Врач успел помочь, скорая приехала быстро, и позднее взрослые много раз повторяли, что ему невероятно повезло.

Анна тогда ещё не понимала, почему слово «повезло» звучит странно.

Если человек должен был умереть, но не умер, разве это просто везение?

Она не спросила.

В тот день ей вообще впервые стало казаться, что некоторые вопросы взрослые боятся сильнее ответов.

Пока мужчину уносили из зала, Анна стояла возле матери и смотрела вслед носилкам. Елена держала дочь за руку слишком крепко. Пальцы были холодными, хотя в помещении по-прежнему стояла жара.

— Ты откуда знала? — спросила она.

Анна подняла глаза.

Мама не злилась.

Лучше бы злилась.

— Ему было плохо.

— Это все увидели потом. Я спрашиваю — откуда ты знала раньше?

— Я смотрела.

— На что?

Анна собиралась перечислить: воротник, пот, руку, дыхание, улыбку с опозданием.

Это было правдой.

Только не всей.

Потому что ни пот, ни красное лицо, ни неподвижная рука не объясняли трёх шагов.

Она не могла знать, что он сделает именно три.

Не могла знать про стул.

И уж точно не могла заранее увидеть мужчину в сером костюме, который окажется врачом.

Анна молчала.

— Аня?

— Не знаю.

Елена посмотрела на неё ещё несколько секунд и вдруг отвела глаза.

Вот тогда Анна впервые увидела в лице матери то, чего раньше там никогда не было.

Страх.

Не за неё.

Перед ней.

Анна хотела сказать, что бояться нечего.

Но возле дальней стены поднялась старуха.

Она сидела почти в самом конце зала, там, куда Анна до этого не смотрела. На голове у женщины был чёрный платок, лицо казалось очень старым, иссушенным, почти неподвижным, и только глаза жили отдельно — тёмные, внимательные.

Анна была уверена, что никогда раньше её не видела.

Старуха смотрела прямо на неё.

Не на мужчину, которого уносили.

Не на врачей.

Не на плачущую женщину в сиреновом платье.

На Анну.

Потом подняла руку и перекрестилась.

Женщина, сидевшая рядом, наклонилась:

— Что?

Старуха не ответила.

— Что случилось?

Она продолжала смотреть на девочку.

— Началось.

Соседка нахмурилась.

— Что началось?

И тогда старуха сказала совсем тихо:

— Девочка слышит дорогу.

Анна этих слов не слышала.

Возможно, это было к лучшему.

Потому что если бы слышала, то стала бы спрашивать.

Что за дорога?

Куда она ведёт?

Почему её можно слышать?

Кто ещё слышал её раньше?

И, возможно, много лет спустя она не села бы в самолёт, летевший обратно на родину.

Не вошла бы в старый дом среди гор.

Не нашла бы крест.

Не узнала бы имя Мариам.

Не встретила бы Арама.

И никогда не выяснила бы, почему в их семье существо-

вало старое правило, которое взрослые произносили редко, почти шёпотом, словно одного упоминания было достаточно, чтобы привлечь что-то нежелательное:

не спрашивать Анну о смерти.

ГЛАВА 1. ДОМ, КОТОРЫЙ ВСЁ СЛЫШАЛ

После той свадьбы Анна ещё долго не понимала, почему мама стала смотреть на неё иначе. Ничего страшного ведь не произошло: мужчина в белой рубашке остался жив, врач оказался рядом, помощь приехала быстро, а через несколько дней отец даже сказал за ужином, что Миша уже разговаривает и, если всё будет хорошо, скоро вернётся домой. Анна решила, что теперь взрослые должны радоваться — они обычно именно так и поступали, когда опасность миновала: облегчённо вздыхали, благодарили Бога и принимались рассказывать друг другу, насколько хуже всё могло закончиться.

Но мама не радовалась. По крайней мере, когда смотрела на дочь.

Елена стала чаще поправлять на Анне одежду, словно та внезапно разучилась одеваться аккуратно, резко одёргивала её, если девочка слишком долго разглядывала незнакомого человека, и почти каждый раз спрашивала с одной и той же тревогой:

— Ты чего так смотришь?

Анна пожимала плечами. Объяснить было трудно. Люди казались ей похожими на книги, которые зачем-то оставили раскрытыми посреди комнаты и при этом очень надеялись,

что никто не станет читать. Они рассказывали о себе руками, походкой, тем, как ставили чашку на стол или отводили глаза в самый неподходящий момент. Иногда достаточно было услышать несколько слов и немного посмотреть, чтобы понять значительно больше, чем человек собирался сказать. Анна не считала это чем-то необычным; странным ей казалось другое — почему остальные не замечают того, что лежит прямо перед ними.

Наверное, поэтому она особенно любила бабушку. Сирануш никогда не спрашивала: «Почему ты так смотришь?» Она вообще редко задавала вопросы, ответ на которые уже знала.

Бабушкин дом стоял немного выше остальных, там, где улица начинала подниматься к склону и сужалась так, что две машины едва могли разъехаться. Старый дом был сложен из потемневшего камня; над двором тянулся виноград, деревянная веранда скрипела под шагами, а тяжёлая калитка зимой разбухала от сырости и открывалась только после сильного толчка плечом. Анна любила этот дом больше родительской квартиры. Здесь всё имело своё место, а почти у каждой вещи была история.

Медный кувшин возле печи принадлежал ещё прабабушке. Большое блюдо с синими цветами дедушка привёз из какой-то поездки задолго до рождения Анны. На стенах висели фотографии людей, которых уже не было, но Сирануш говорила о них так, словно они просто уехали и однажды непре-

менно вернутся. Даже старый орех во дворе имел собственную историю.

— Его посадил мой отец, когда родился мой брат, — рассказывала бабушка, хотя Анна слышала это, наверное, раз двадцать.

— Который умер?

Сирануш всякий раз делала короткую паузу.

— Который не вернулся.

— Откуда?

— Издалека.

Анна уже знала: если бабушка отвечала так, спрашивать дальше не следовало. Взрослые вообще любили заменять одни слова другими. «Не вернулся» иногда означало «умер». «Уехал» могло значить «бросил семью». «Заболел» — «скоро умрёт». А фраза «всё хорошо» почти никогда не означала, что всё действительно хорошо.

У Сирануш было ещё одно выражение, смысл которого Анна никак не могла понять. Когда случалось что-нибудь неприятное — разбивалась тарелка, неожиданно приходило плохое известие, во дворе начинали выть собаки или кто-нибудь рассказывал о смерти знакомого, — бабушка иногда тихо произносила:

— Дом услышал.

Однажды Анна не выдержала:

— А чем он слышит?

Сирануш засмеялась и погладила её по голове.

— Стенами.

— Стены не слышат.

— Ты уверена?

— Да.

— Тогда почему в одном доме хочется говорить тихо, а в другом можно кричать?

Анна задумалась, а бабушка улыбнулась и вернулась к своим делам. Она умела заканчивать разговор так, что вопрос оставался жить в голове внучки ещё несколько дней.

В тот вечер они готовили гату. За открытым окном медленно сгущались сумерки, во дворе пахло пылью, нагретым камнем и виноградными листьями, а кухня была наполнена жаром духовки, мукой и сладким запахом ванили. Сирануш раскатывала тесто, Анна сидела напротив и осторожно собирала пальцем просыпавшуюся муку.

— Не ешь сырое тесто.

Анна тут же убрала руку.

— Я не ем.

— Конечно.

— Я только пробую.

— Это называется «есть».

Они улыбнулись друг другу. В такие минуты Сирануш становилась совсем другой — не той строгой женщиной, которая встречала гостей с прямой спиной, покрывала голову перед молитвой и одним взглядом могла заставить замолчать нескольких взрослых мужчин, а просто бабушкой, пахнущей

мукой, мылом и чем-то травяным, знакомым Анне с самого раннего детства.

— Бабушка?

— М-м?

— А ты знала, что тот дядя упадёт?

Руки Сирануш остановились всего на мгновение. Если бы Анна смотрела в окно, она бы не заметила. Но Анна почти всегда смотрела на людей.

— Какой дядя?

— На свадьбе.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Анна подняла глаза.

— Ты врёшь.

— Анна.

— Ты всегда сначала думаешь, когда не знаешь. А сейчас не думала.

Сирануш медленно положила нож, вытерла руки о передник и села напротив внучки.

— Нельзя говорить взрослому человеку, что он врёт.

— Почему?

— Потому что это невежливо.

— Даже если он врёт?

В глазах бабушки мелькнула улыбка.

— Особенно если он врёт.

Анна нахмурилась. Правило казалось совершенно бес-

смысленным.

Сирануш потянулась через стол и стёрла с её щеки муку.

— Лучше скажи, почему ты подошла к той женщине.

— Потому что её мужу было плохо.

— Откуда ты знала?

— Видела.

— Что именно?

Анна перечислила всё, что запомнила: пот, странную руку, частое дыхание, запоздалую улыбку. Бабушка слушала внимательно, не перебивая, а потом спросила:

— И всё?

Анна хотела ответить «да». Это было бы проще. Всё перечисленное действительно существовало, и, возможно, именно поэтому взрослые так охотно приняли бы такое объяснение. Но оно не объясняло главного.

Она знала про три шага. Знала, что мужчина остановится возле стула и возьмётся за спинку. Знала, что после этого упадёт. Этого увидеть заранее она не могла.

— Не всё, — призналась Анна.

Лицо Сирануш изменилось едва заметно, но девочка увидела.

— Что ещё?

— Я знала, куда он пойдёт.

На кухне стало очень тихо. Где-то во дворе хлопнула дверь, проехала машина, с соседней улицы донёсся детский смех, однако всё это словно осталось за толстыми каменны-

ми стенами.

— Что значит «знала»?

— Просто знала.

— Ты видела это раньше? Тебе приснилось? Кто-нибудь сказал?

Анна начала раздражаться.

— Никто. Я же говорю: просто знала.

Сирануш поднялась так неожиданно, что стул с неприятным звуком проехал по полу. Она подошла к окну, закрыла створки и задёрнула занавеску.

— Зачем? Жарко же.

Бабушка не ответила. Вышла из кухни и вернулась через несколько минут, держа в руках небольшой свёрток из старой ткани.

Анна сразу его узнала. Он хранился в нижнем ящике комода в бабушкиной спальне. Однажды она видела, как Сирануш доставала его, думая, что внучка играет во дворе. Тогда внутри что-то блеснуло, но стоило Анне сделать шаг ближе, как бабушка услышала её и резко закрыла ящик.

Теперь Сирануш сама положила свёрток на стол и осторожно развернула ткань.

Внутри лежал крест.

Небольшой, чуть длиннее детской ладони, почти чёрный, с потёртыми краями и едва различимым узором. Анна потянулась к нему, но бабушкина ладонь мгновенно накрыла дерево.

— Не трогай.

Анна замерла. Сирануш никогда прежде не говорила с ней таким голосом.

— Почему?

— Пока не надо.

— Он плохой?

Бабушка посмотрела на крест.

— Вещи не бывают плохими.

— А люди?

Сирануш подняла глаза.

— Бывают.

— Чей он?

Пауза была совсем короткой, но Анна уже умела замечать такие паузы.

— Наш.

— Мамин?

— Нет.

— Твой?

— Нет.

— Тогда чей?

Сирануш медленно завернула крест обратно.

— Женщин нашей семьи.

— Всех?

— Не всех.

— А каких?

Бабушка поднялась, давая понять, что разговор окончен,

но Анна всё-таки спросила:

— Моих?

Сирануш остановилась возле двери. На несколько секунд ей словно стало трудно дышать. Когда она обернулась, в её лице было столько печали, что Анне впервые пришлось в голову: бабушка не просто знает ответ. Она боится его.

— Я очень надеялась, — тихо сказала Сирануш, — что нет.

Вечером Анну забрал отец. Мама не приехала: сказала, что у неё много дел, хотя Анна подозревала, что она всё ещё сердится после свадьбы. По дороге Николай купил дочери мороженое и, вопреки собственным правилам, разрешил есть его в машине. Анна старалась ловить тающие капли прежде, чем они упадут на платье, но думала только о кресте.

— Пап?

— Что?

— У бабушки есть крест.

— У бабушки много крестов.

— Этот старый. Маленький и тёмный.

Николай посмотрел на неё, и машина едва заметно вильнула. Всего на несколько сантиметров, но Анна заметила.

— Какой крест?

Она описала.

Отец снова посмотрел на дорогу.

— Не трогай бабушкины вещи.

— Я не трогала. Она сама показала. Сказала, что он при-

надлежит женщинам нашей семьи.

Николай молчал.

— Пап, ты тоже знаешь?

— О чём?

— О кресте.

— Нет.

Он соврал. Это было понятно сразу, но Анна вспомнила бабушкино правило и не стала говорить взрослому человеку, что он врёт. Вместо этого отвернулась к окну и принялась смотреть, как за стеклом проплывают знакомые дома, деревья, остановки и редкие прохожие.

Тогда она и заметила серый автомобиль.

Старый, ничем не примечательный. Сначала Анна решила, что он просто едет той же дорогой, но отец свернул один раз — машина свернула следом. Потом второй, и через несколько секунд серый автомобиль снова появился позади.

— Пап.

— М-м?

— За нами едут.

Николай посмотрел в зеркало. Его лицо изменилось настолько быстро, что другой человек, возможно, ничего бы не заметил. Анне хватило.

Отец знал эту машину.

— Никто за нами не едет, — сказал он и прибавил скорость.

Анна больше не спрашивала. Она сидела, прижав липкие

от мороженого пальцы к ладони, и смотрела в боковое зеркало. Серый автомобиль не отставал, а когда они подъехали к дому, остановился далеко, почти в конце улицы.

Николай вышел первым, оглянулся, потом открыл дочери дверь и неожиданно крепко взял её за руку.

— Идём.

— Пап, мне больно.

Он сразу ослабил пальцы.

— Прости.

Они быстро вошли в подъезд. Анна успела обернуться только один раз. Возле серой машины стоял мужчина. Расстояние было слишком большим, чтобы рассмотреть лицо, но он не курил, не смотрел на окна домов и не собирался переходить дорогу. Он просто стоял возле автомобиля, повернувшись в их сторону.

Анна не могла доказать, что мужчина смотрит именно на неё.

Но почему-то была в этом уверена.

В ту ночь ей впервые приснился бабушкин дом пустым. Калитка была распахнута, виноград над двором почернел, а старый орех срубили почти у самой земли. Анна ходила по комнатам и звала Сирануш, но голос будто вяз в тишине и ниоткуда не приходил ответ.

Потом из спальни донёсся звук — тихий, металлический, словно что-то качнулось и ударилось о дерево.

Анна вошла.

Над бабушкиной кроватью висел старый крест. Тот самый, который Сирануш не позволила ей коснуться. Только теперь тёмное дерево было испачкано кровью.

Анна хотела позвать бабушку, но её голос раздался совсем рядом:

— Не спрашивай, если не готова услышать ответ.

Анна проснулась.

За окном ещё было темно. В квартире стояла тишина, родители спали, и только старые часы в коридоре равнодушно отсчитывали секунды. Девочка лежала неподвижно, прислушиваясь к собственному дыханию и постепенно убеждая себя, что это был всего лишь сон.

И тогда поняла, что именно её разбудило.

Кто-то трижды постучал в окно.

Их квартира находилась на четвёртом этаже.

ГЛАВА 2. ТРИ СТУКА

Анна долго лежала, не решаясь пошевелиться. Комната оставалась почти такой же, какой она была вечером: платье висело на спинке стула, школьные книжки лежали неровной стопкой на столе, возле кровати темнели аккуратно поставленные туфли. Только слабый уличный свет, проникавший из-за неплотно задёрнутых штор, делал знакомые вещи чужими, словно ночью комната принадлежала кому-то другому, а Анне позволили ненадолго остаться в ней до утра.

Она смотрела на окно. Ветер едва шевелил ветви дерева во дворе, где-то далеко проехала машина, затем снова стало тихо. Наверное, ей приснилось.

Анна почти убедила себя в этом, когда стук повторился.

Три раза.

Тук.

Тук.

Тук.

Теперь она села. Первым желанием было позвать маму, но Анна почему-то не стала. Тогда пришлось бы рассказывать про сон, крест, бабушкины слова и мужчину возле серого автомобиля, а мама наверняка сказала бы, что всё это глупости и девочка слишком много читает.

Она спустила ноги с кровати. Пол оказался холодным. До окна было всего несколько шагов, но сейчас комната каза-

лась непривычно большой. Анна подошла к подоконнику, осторожно отодвинула край шторы и посмотрела вниз.

Во дворе никого не было. Фонарь возле подъезда освещал пустую скамейку, песочницу и несколько припаркованных машин. Серого автомобиля среди них не оказалось.

Анна уже хотела вернуться в кровать, когда заметила на стекле маленькое тёмное пятно. Приблизила лицо и увидела снаружи прилипший лист — обычный виноградный, немного смятый и мокрый, будто его только что сорвали после дождя.

Только дождя не было уже несколько дней.

И виноград возле их дома не рос.

Утром лист исчез. Анна долго его искала: осмотрела стекло и подоконник, потом открыла окно и высунулась наружу настолько далеко, что вошедшая мать испуганно вскрикнула.

— Анна!

Елена подлетела к ней, схватила за плечи и оттащила от окна.

— Ты что делаешь?!

— Смотрю.

— Я вижу, что смотришь! Ты понимаешь, какой этаж?!

— Четвёртый.

— Не умничай.

Анна нахмурилась. Она всего лишь ответила на вопрос и никак не могла понять, почему взрослые так часто задают

вопросы, на которые не хотят получать ответы.

Мать закрыла окно и проверила ручку.

— Больше никогда так не делай.

— Хорошо.

Елена ещё несколько секунд смотрела на дочь, будто решала, можно ли ей верить, потом вздохнула и поправила выбившуюся прядь волос. Анна считала маму очень красивой, хотя почему-то стеснялась говорить ей об этом. У Елены были светлые волосы, тонкие черты и серые глаза, менявшиеся вместе с настроением: когда она смеялась, они становились почти голубыми, а когда сердилась — холодными, как вода поздней осенью.

Сегодня они были серыми.

— Одевайся. Опоздаем.

— Мам.

— Что?

— Ночью кто-то стучал в окно.

Рука Елены, уже потянувшаяся к двери, остановилась.

— Куда?

— Сюда.

— Тебе приснилось.

— Я проснулась.

— Значит, ветка.

— Здесь нет веток.

Елена посмотрела на окно.

— Птица.

— Ночью?

— Анна, я не знаю. Может быть, птица. Может быть, что-то принесло ветром.

— Там был виноградный лист.

Теперь мать повернулась к ней полностью.

— Какой лист?

— Виноградный.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, и Анна снова увидела то выражение, которое накануне появилось у отца после слов о кресте. Не удивление. Узнавание.

— Мам, ты знаешь, почему он был там?

— Нет.

— Знаешь.

— Прекрати.

— Но я вижу.

Елена резко подошла ближе.

— Вот именно это ты должна прекратить.

Анна растерялась.

— Что?

— Смотреть на людей так, будто знаешь о них всё. Говорить им, что они думают, чего боятся, что собираются сделать. Ты маленькая девочка, Аня. Тебе шесть лет. Ты не можешь знать всё.

— Я и не знаю всё.

— Тогда перестань вести себя так, будто знаешь.

Мама говорила всё громче, и Анна почувствовала знакомое неприятное ощущение: взрослый сердился, но причина его гнева находилась совсем не там, куда он указывал.

Мама боялась. Именно поэтому кричала.

Анна уже хотела спросить, чего именно, но вспомнила бабушкино правило. Особенно если взрослый врёт.

Она промолчала.

Елена тоже словно почувствовала, что сказала слишком много. Опустилась перед дочерью на корточки, поправила воротник ночной рубашки и уже значительно тише произнесла:

— Послушай меня. Иногда человеку кажется, что он что-то знает, потому что он очень наблюдательный. Ты у нас именно такая. Замечаешь то, чего не замечают другие, складываешь одно с другим и делаешь вывод. Это хорошо. Наверное, когда-нибудь тебе пригодится. Только не надо придумывать ничего сверх этого.

— Я не придумываю.

— Я знаю.

Но Анна увидела: мама снова солгала.

За завтраком отец был необычно молчалив. Он пил кофе и читал газету, хотя за десять минут ни разу не перевернул страницу. Елена стояла возле плиты, и между родителями происходил разговор, в котором не было произнесено ни одного слова. Мама несколько раз посмотрела на мужа, поставила чашку на стол чуть громче, чем требовалось, и только

тогда Николай сложил газету.

— Что?

— Ничего.

— Лена.

— Я сказала — ничего.

Анна продолжала есть кашу.

— Ты сегодня к матери? — спросил Николай.

— Нет.

— Почему?

— Потому что не собиралась.

— Она звонила?

— Нет.

Отец помолчал.

— Странно.

— Что странного?

— Ничего.

Теперь Анна поняла, от кого мама научилась так отвечать.

— Пап, ночью кто-то стучал в моё окно.

Ложка в руках Елены звякнула о край кастрюли. Николай медленно поставил чашку.

— Когда?

— Не знаю. Было темно.

— Сколько раз?

Анна удивилась не самому вопросу, а тому, как быстро он был задан.

— Три.

Елена на мгновение закрыла глаза. Николай увидел.

— Лена...

— Не сейчас.

— Ты ей сказала?

— Ничего я ей не говорила.

— Что вы должны были мне сказать? — спросила Анна.

Николай провёл ладонью по лицу.

— Ничего.

— Опять ничего. Все говорят «ничего», когда есть что-то.

Несмотря на напряжение, отец вдруг усмехнулся.

— С этим трудно спорить.

— Коля!

— А что? Она права.

Елена отвернулась к плите.

— Отвези её сегодня сам.

— Мне к девяти.

— Значит, опоздаешь.

— Лена...

— Я сказала: сам.

Анна переводила взгляд с одного родителя на другого.

— Куда меня отвезти?

Мама ответила, не оборачиваясь:

— К бабушке.

Сирануш открыла почти сразу. На ней было тёмное домашнее платье, волосы собраны на затылке, в руке — кухонное полотенце. Увидев Николая, она не удивилась.

— Заходите.

— Я только Анну привёз.

— Заходи.

— Мне на работу.

— Николай.

Она произнесла его имя спокойно, но отец подчинился.

Дом встретил Анну привычной прохладой. После яркого утреннего солнца внутри казалось почти темно, а из кухни пахло кофе и свежим хлебом. На столе стояли три чашки.

Анна остановилась.

— Ты знала, что мы приедем?

— Доброе утро сначала.

— Доброе утро. Ты знала?

— Твоя мама позвонила.

Ответ оказался настолько простым, что Анна почувствовала разочарование.

Николай прошёл на кухню.

— Она сказала тебе?

— Да.

— Всё?

Сирануш бросила взгляд на внуку и поняла, что он имеет в виду.

— Аня, сходи во двор. Я вчера оставила на столе абрикосы. Выбери хорошие, будем варить варенье.

— Я хочу остаться. Вы будете говорить обо мне.

— Будем.

Такого честного ответа Анна не ожидала.

— Тогда почему я не могу слушать?

Сирануш немного подумала.

— Потому что иногда взрослым нужно сначала понять, что они хотят сказать ребёнку, прежде чем говорить с ним.

Это объяснение показалось Анне разумнее большинства взрослых объяснений, и она вышла во двор.

На деревянном столе действительно стояла большая миска абрикосов. Тёплые от солнца плоды были такими спелыми, что некоторые лопнули возле косточки. Анна начала их перебирать. Из кухни доносились голоса, но слов разобрать было нельзя.

Она не собиралась подслушивать. По крайней мере, первые несколько минут.

Потом отец заговорил громче:

— ...у окна!

Анна подняла голову.

— Не знаю, — тихо ответила Сирануш.

— Ты прекрасно знаешь.

— Николай, тише.

— Я двадцать лет слушаю это «тише»!

Анна замерла.

Двадцать лет?

Отец знал Сирануш гораздо меньше. Мама познакомила их всего несколько лет назад.

Девочка подошла ближе к открытому кухонному окну.

— ...обещали, что закончилось, — говорил Николай. —

Ты сама говорила.

— Я ошиблась.

— Или не всё рассказала.

Наступила пауза.

— Я рассказала Елене столько, сколько она должна была знать.

— А мне?

— Ты сделал свой выбор, когда женился на ней.

— При чём здесь это? Это моя дочь.

— Именно поэтому я и молчала.

Анна перестала дышать.

— Она видела крест? — спросил отец.

— Да.

— Зачем ты ей показала?

— Потому что она знала.

— Что знала?

Сирануш ответила не сразу.

— То, чего знать не могла.

Анна отступила от окна. Ей вдруг стало стыдно — не столько из-за подслушивания, сколько из-за того, что взрослые говорили о ней так, словно её не существовало. Будто она была не человеком, а вещью, которую нужно решить, куда положить и от кого спрятать.

Она вернулась к столу и сердито принялась перекладывать абрикосы. Один плод оказался почти чёрным с одной

стороны. Анна хотела выбросить его, но заметила под миской сложенный в несколько раз кусочек пожелтевшей бумаги, придавленный тяжёлой посудой, чтобы его не унёс ветер.

Она развернула его.

Это была старая фотография с выцветшими цветами и неровными белыми краями. На ней стояли мужчины в костюмах, две женщины и несколько детей. Анна сразу узнала молодую Сирануш — стройную, серьёзную, с длинными тёмными волосами. Рядом стоял незнакомый мужчина, но девочка почти не смотрела на него.

Возле Сирануш была девочка лет шести или семи.

На её шее висел крест.

Тот самый.

Анна приблизила фотографию к лицу. Девочка улыбалась человеку за камерой, и что-то в её лице казалось знакомым. Не черты. Взгляд.

На обороте сохранилось несколько написанных от руки строк. Большинство букв выцвело, но одну фразу ещё можно было разобрать:

«Мариам. Лето 1958 года. Последнее лето до того, как она начала отвечать».

Анна перечитала дважды.

Начала отвечать.

На что?

Скрипнула дверь. Анна быстро спрятала фотографию за спину, но вышедшая во двор Сирануш сразу посмотрела на

миску, потом — на край бумаги, выглядывавший из-за детской ладони.

Её лицо изменилось.

— Где ты это взяла?

— Здесь лежало.

— Дай мне.

Анна отступила.

— Кто такая Мариам?

— Анна, дай фотографию.

— Она носила крест? Она тоже знала?

Сирануш остановилась. Анна впервые видела бабушку не сердитой и не строгой — испуганной.

— Что с ней случилось?

— Ничего.

— Это неправда.

Сирануш закрыла глаза, словно собиралась с силами, затем взяла внучку за руку и подвела к лавке возле стены.

— Садись.

Несколько секунд бабушка молча смотрела на виноградную лозу над двором.

— Мариам была моей младшей сестрой.

Анна снова посмотрела на фотографию.

— Ты говорила, что у тебя был брат.

— Был и брат.

— А про сестру не говорила. Почему?

— Потому что некоторые истории лучше не рассказывать

детям.

— Она умерла?

Сирануш вздрогнула, и Анна поняла, что попала совсем близко к месту, которое бабушка столько лет старалась обходить.

— Она пропала.

— Как?

— Просто исчезла.

— Люди не исчезают просто.

— Иногда исчезают.

— Сколько ей было?

— Семнадцать.

— Её нашли?

— Нет.

— Никогда?

— Никогда.

Анна посмотрела на весёлую девочку на фотографии. Та улыбалась человеку за камерой, ещё не зная, что через одиннадцать лет семья будет говорить о ней словом «пропала».

— А что значит «начала отвечать»?

Сирануш медленно забрала фотографию и провела пальцем по выцветшей надписи.

— Мариам говорила, что иногда слышит вопросы.

— Какие?

— Разные.

— Кто спрашивал?

— Она не знала.

По рукам Анны пробежали мурашки.

— И отвечала?

— Сначала нет.

— А потом?

Бабушка помолчала.

— Потом стала.

— Что спрашивали?

Сирануш посмотрела куда-то за плечо внучки, в глубину дома.

— Где находится потерянное. Кто говорит правду. Кто вернётся. Кто уйдёт. Иногда люди сами приходили к ней и просили сказать то, чего не могли узнать другим способом.

— И она знала?

— Иногда.

— А крест?

Пальцы Сирануш сжали фотографию.

— Достаточно.

— Но...

— Я сказала — достаточно.

Она поднялась и направилась к дому, однако возле двери остановилась.

— И ещё, Аня. Если когда-нибудь услышишь, что кто-то зовёт тебя ночью, не отвечай.

Анне стало холодно, несмотря на жару.

— Кто?

— Неважно.

— А если это будешь ты?

Сирануш повернула голову.

— Особенно если это буду я.

После разговора о Мариам бабушка словно решила, что ничего необычного не произошло. Они сварили варенье: Сирануш принесла сахар, большой таз, заставила Анну вынимать косточки и несколько раз ворчала, что половина абрикосов оказывается у внучки во рту вместо кастрюли. Отец уехал. День становился жарче, по улице проходили соседи, кто-то здоровался через калитку, из соседнего двора донолся женский смех, где-то играло радио. Обычная жизнь продолжалась с той удивительной уверенностью, с какой она всегда продолжается рядом с чужими тайнами.

К обеду пришли две женщины. Одну Анна знала — тётю Асмик, маленькую и шумную, разговаривавшую так громко, будто все вокруг плохо слышали. Вторая была незнакомой и очень старой. Длинное чёрное платье, такой же платок, почти полностью скрывавший седые волосы, палка в руке.

Увидев её, Сирануш уронила ложку.

Металл звякнул о каменный пол.

— Шушан?

Старуха улыбнулась.

— Здравствуй, Сирануш.

Бабушка не двигалась.

— Я думала, ты умерла.

— Многие так думали.

Асмик засмеялась, будто услышала удачную шутку, но никто её не поддержал.

Шушан медленно повернула голову и посмотрела на Анну. Улыбка исчезла.

Она сделала шаг, потом второй, но Сирануш встала между ней и внучкой.

— Не надо.

— Я только посмотрю.

— Ты уже посмотрела.

— Значит, это она?

— Шушан.

Старуха словно не слышала. Чуть наклонилась, пытаясь увидеть Анну за плечом бабушки.

— Подойди, девочка. Не бойся.

— Я не боюсь.

Шушан улыбнулась.

— Конечно.

Сирануш резко сказала что-то на армянском. Анна не поняла слов, но смысл был очевиден: уходи. Старуха ответила на том же языке, и женщины заговорили быстро, почти перебивая друг друга. Асмик перестала улыбаться и растерянно переводила взгляд с одной на другую.

Потом Шушан произнесла слово, которое Анна знала. Мариам.

Сирануш замолчала.

— Ты похожа на неё, — сказала старуха Анне.

— Вы её знали?

— Все знали.

— Что с ней случилось?

Сирануш схватила Шушан за руку.

— Хватит.

Старуха посмотрела на её пальцы.

— Ты всю жизнь думаешь, что молчание может что-то изменить.

— Уходи.

— Уже изменило?

— Уходи из моего дома.

Шушан усмехнулась.

— Это не твой дом, Сирануш. Ты прекрасно знаешь.

Бабушка побледнела.

Старуха развернулась и медленно пошла к калитке, но возле выхода остановилась.

— Девочка.

Анна посмотрела на неё.

— Если услышишь три стука, не открывай.

У Анны пересохло во рту.

— Шушан! — резко сказала Сирануш.

Старуха уже открывала калитку.

— Почему? — успела спросить Анна.

Шушан посмотрела через плечо.

— Потому что первые два раза оно просит войти.

— А третий?

Старуха помолчала.

— Третий означает, что оно уже внутри.

ГЛАВА 3. ТО, О ЧЁМ МАТЕРИ МОЛЧАТ

Елена приехала за дочерью раньше обычного. Солнце ещё стояло высоко, абрикосовое варенье только начинало густеть в большом тазу, а Сирануш уже дважды сняла с него пену и дважды отогнала Анну, которая обнаружила, что горячая сладкая пена значительно вкуснее самого варенья.

После ухода Шушан бабушка почти не разговаривала. Она занималась привычными делами с каким-то преувеличенным усердием: перемыла чашки, хотя Асмик едва прикоснулась к своей, подмела двор, поправила скатерть и несколько раз проверила калитку. Анна наблюдала за ней и постепенно приходила к выводу, что взрослые гораздо чаще детей пытаются избавиться от страха с помощью совершенно бесполезных действий.

Когда появилась Елена, Сирануш даже не поздоровалась.

— Она приходила.

Мать остановилась посреди двора.

— Кто?

— Шушан.

Всего одно имя — и мама, которая секунду назад собиралась отчитать дочь за испачканное абрикосовым соком платье, забыла и про платье, и про Анну.

— Ты же говорила...

— Я сама так думала.

Елена посмотрела на дочь.

— Она разговаривала с Аней?

Сирануш не ответила. Этого оказалось достаточно.

— Мама!

— Не при ней.

— Теперь уже «не при ней»?!

Анна сидела на низкой скамейке возле стены и чувствовала себя предметом мебели, которому почему-то запрещено слышать разговор, хотя разговаривают именно о нём.

— Я здесь, — напомнила она.

Елена резко повернулась.

— Собирайся.

— Я ещё не закончила.

— Что?

— Варенье. Я обещала помогать.

— Бабушка закончит. Анна, пожалуйста.

Последнее слово прозвучало неожиданно устало. Девочка посмотрела на Сирануш; та едва заметно кивнула.

— Иди.

На этот раз Анна не стала спорить. Вымыла липкие руки, переоделась и сложила вещи в маленькую сумку, которую мать всегда брала, когда оставляла её у бабушки. Уже выходя из комнаты, она заметила, что нижний ящик старого комода теперь заперт, а ключ из замка исчез.

По дороге домой Елена почти не разговаривала. Она слишком крепко держала руль обеими руками и несколько раз посмотрела в зеркало заднего вида, хотя дорога позади была пустой.

— Мам, ты знаешь Шушан?

— Немного.

— Она сказала, что бабушкин дом не принадлежит бабушке.

Елена ничего не ответила.

— Чей он?

— Бабушкин.

— Тогда почему Шушан сказала...

— Потому что Шушан старая женщина и любит говорить загадками.

— Бабушка тоже старая.

Елена неожиданно рассмеялась. Смех получился коротким, почти нервным, но всё же настоящим.

— Только не говори ей этого.

— Почему? Она знает, сколько ей лет.

— Иногда знать и хотеть это слышать — разные вещи.

Анна задумалась. Взрослая жизнь становилась всё сложнее: некоторые вещи нельзя было говорить, даже если они правдивы; на некоторые вопросы нельзя отвечать, даже если знаешь ответ; иногда следовало делать вид, будто не замечаешь очевидного, потому что иначе человек мог обидеться. Неудивительно, что взрослые постоянно ссорились.

— Мам, а кто такая Мариам?

Улыбка исчезла.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Нашла фотографию. Там была девочка с крестом.

Машина замедлилась.

— Где она была?

— Во дворе, под миской. Бабушка сказала, что Мариам была её сестрой. Она пропала, когда ей было семнадцать. И ещё она слышала вопросы.

Елена резко нажала на тормоз. Машина остановилась у обочины, сзади возмущённо просигналили, но мать словно не услышала.

— Что именно тебе рассказала бабушка?

Анна перечислила всё, что запомнила. Чем больше она говорила, тем бледнее становилась Елена. Когда рассказ закончился, мать несколько секунд сидела неподвижно, потом закрыла лицо ладонями.

— Господи...

— Мам? Тебе плохо?

— Нет.

— Ты плачешь?

— Нет.

Между пальцами матери блеснула слеза.

— Плачешь.

Елена опустила руки.

— Аня, можно тебя кое о чём попросить?

— Можно.

— Никогда не бери у бабушки этот крест.

— Она мне его и не давала.

— Даже если даст.

— Почему?

— Просто пообещай.

— Я не люблю обещать, если не понимаю зачем.

В другое время Елена, наверное, рассердилась бы. Сейчас лишь устало покачала головой.

— Ты невозможный ребёнок.

— Почему?

— Потому что нормальный ребёнок сказал бы: «Хорошо, мамочка», — и через пять минут забыл.

— Тогда зачем обещать?

На этот раз мать действительно улыбнулась. Протянула руку и провела пальцами по волосам дочери. Этот жест был таким редким, что Анна замерла.

— Иногда мне кажется, что тебе не шесть, а шестьдесят.

— Мне шесть. И через четыре месяца будет семь.

— Это я тоже знаю.

Елена убрала руку.

— Хорошо. Я объясню. Только не всё. Когда я была маленькой, бабушка рассказывала мне о Мариам. Потом перестала. Я выросла и решила, что это просто старая семейная история, которую со временем сделали страшнее, чем она была на самом деле.

— Как сказка?

— Скорее как легенда. В каждой семье есть такие истории: кто-то видел призрака, кто-то предчувствовал смерть, кому-то приснился вещий сон. Люди любят находить смысл там, где его, возможно, никогда не было.

— А ты веришь?

Елена посмотрела через лобовое стекло.

— Не хочу верить.

Анна заметила разницу.

— Я спросила не это.

Мать молчала долго.

— Иногда верю.

— Почему?

Елена завела машину.

— Потому что однажды Мариам сказала бабушке, что у неё родится дочь, которая выйдет замуж за чужака.

— За человека не из их народа?

— Да.

— За папу?

— За папу.

Анна нахмурилась.

— Но меня тогда ещё не было.

— Меня тоже.

Впервые за последние дни Анне самой не захотелось задавать следующий вопрос.

Вечером Николай вернулся поздно. Елена уложила дочь

раньше обычного и долго сидела рядом, читая книгу, хотя несколько раз начинала один и тот же абзац сначала.

— Мам, ты неправильно читаешь.

Елена посмотрела на страницу.

— Точно.

— Ты думаешь про Мариам?

Мать закрыла книгу.

— А ты?

— Да.

— Не надо.

— Я не умею не думать, если мне говорят не думать.

— Этого, кажется, никто не умеет.

Анна устроилась поудобнее и после небольшой паузы спросила:

— Почему ты меня боишься?

Елена вздрогнула.

— Я тебя не боюсь.

— На свадьбе боялась.

— Я испугалась за тебя.

— Нет. Папа тоже сказал, что начинает меня бояться.

Мать посмотрела на дочь так, словно та только что открыла дверь, которую родители тщательно запирали.

— Ты слышала?

— Да. Вы думали, что я сплю.

Елена медленно провела ладонью по покрывалу.

— Взрослые иногда говорят глупости, когда напуганы.

— Чем вы были напуганы?

По лицу матери Анна увидела привычное «ничем», уже готовое сорваться с губ. Но на этот раз Елена остановилась.

— Тем, что не понимаем.

— Меня?

— То, что с тобой происходит.

— Со мной ничего не происходит.

— Я очень надеюсь.

Анна протянула руку и неожиданно для самой себя взяла мать за пальцы.

— Я всё равно твоя.

Елена закрыла глаза, потом наклонилась и крепко прижала дочь к себе. Анна почувствовала запах её волос, крема для рук и духов, которыми мама пользовалась только по особым случаям, хотя сегодня никакого особого случая не было.

— Конечно, моя, — прошептала Елена. — Именно поэтому мне страшно.

Анна хотела спросить, чего она боится, но не стала. Возможно, бабушка была права: иногда человеку действительно нужно время, чтобы понять, какие слова он способен произнести.

Глубокой ночью Анна проснулась. На этот раз никто не стучал. За дверью комнаты разговаривали родители. Сначала она попыталась снова заснуть, но слышала своё имя.

— ...нужно уехать, — говорила мать.

— Куда?

— Не знаю. В Россию.

— Лена, ты в своём уме?

— А что ты предлагаешь?

— Для начала перестать сходить с ума из-за старой женщины.

— Шушан должна была умереть двенадцать лет назад.

— Кто тебе сказал?

— Мама.

— Значит, ошиблась.

— Моя мать была на её похоронах.

После этих слов наступила тишина.

— Что? — голос Николая изменился.

— Она была на похоронах, Коля. Видела гроб. Видела, как его опускали в землю.

— Может, другая Шушан.

— Нет.

— Тогда твоя мать что-то путает. Люди не возвращаются с кладбища.

— Я знаю.

— Значит, есть объяснение.

— Найди его.

Отец ходил по комнате; Анна слышала шаги.

— И что сказала эта женщина?

— Что всё началось снова.

— Что именно?

— Я не знаю.

— Лена.

— Не знаю! Мама никогда не рассказывала до конца. Каждый раз, когда я спрашивала про Мариам, она замолкала. А когда родилась Аня, заставила меня поклясться, что я не стану рассказывать ей о кресте.

— Почему?

— Потому что Мариам тоже была такой.

— Какой «такой»?

— Сначала просто замечала больше остальных. Потом стала предсказывать вещи.

— Ерунда.

— Я тоже так говорила. А потом Аня в три года сказала, что соседский мальчик не вернётся домой.

Анна перестала дышать. Этого она не помнила.

— Какой мальчик? — спросил отец.

— Дима. С пятого этажа.

— Он погиб в аварии.

— На следующий день.

— Совпадение.

— Конечно.

— Лена...

— А в четыре года она сказала твоей матери не ехать на дачу.

— Потому что услышала прогноз погоды.

— В прогнозе не было аварии на трассе.

— Но мама не попала в неё.

— Потому что осталась дома.

— Именно.

Анна лежала, натянув одеяло до подбородка. Она действительно помнила бабушку отца, собиравшуюся куда-то ехать с большой клетчатой сумкой. Помнила её красное пальто и собственное необъяснимое желание, чтобы та его сняла. Но остального не помнила.

— И были другие случаи, — продолжала Елена. — Я записывала.

— Что?

— Всё, что она говорила.

— Ты вела записи?

— С трёх лет. Я хотела доказать себе, что это совпадения.

— И?

Ответ матери прозвучал так тихо, что Анна едва расслышала:

— Не получилось.

На следующий день родители вели себя так, будто ночного разговора не существовало. Отец шутил за завтраком, мама предложила сходить в парк, и Анна тоже ничего не сказала. Но теперь она смотрела на себя иначе. То, что прежде казалось естественной способностью замечать людей, внезапно потребовало объяснения.

Почему она знала про мужчину на свадьбе? Потому что заметила признаки болезни. Хорошо. Почему знала, что он сделает три шага? Возможно, догадалась. Почему преду-

преждала бабушку про поездку? Могла услышать разговор взрослых. Почему сказала про мальчика? Этого она не помнила, а значит, доказательством это быть не могло.

Анна решила, что ей нужен эксперимент.

Она взяла толстую тетрадь в синей обложке, которую отец купил для рисования, и на первой странице аккуратно написала:

ТО, ЧТО Я ЗНАЮ.

Подумала и ниже добавила:

И ПОЧЕМУ.

Первой записью стал мужчина со свадьбы. Второй — серый автомобиль. Третьей — виноградный лист.

Про Мариам она писать не стала. Пока это была чужая история.

Через три дня Сирануш не пришла к ним на воскресный обед. Такого раньше не случалось. Елена позвонила ей утром, потом ещё раз. После третьего звонка начала раздражаться, после пятого перестала разговаривать.

— Поедем, — сказал Николай.

— Все вместе?

Он посмотрел на Анну.

— Все вместе.

Дорога до бабушкиного дома заняла меньше двадцати минут. Калитка была закрыта. Елена постучала.

— Мама!

Никто не ответил. Николай толкнул калитку плечом, и та

неожиданно открылась.

Во дворе всё выглядело привычно: стол, лавка, виноград, перевёрнутый возле стены таз для варенья. Но входная дверь была распахнута.

Елена побежала первой.

— Мама!

Анна шагнула во двор и остановилась.

Она уже видела это место.

Во сне.

Не совсем таким: орех стоял целым, виноград оставался зелёным. Но дверь была открыта точно так же.

Из дома донёсся голос отца:

— Здесь никого нет.

Елена выбежала на веранду.

— Машина стоит. Сумка здесь. Документы тоже.

— Может, к соседям пошла.

— Она бы закрыла дверь.

Николай достал телефон, но Анна уже не слушала. Возле порога лежала веточка с тремя виноградными листьями: один зелёный, второй пожелтевший, третий совершенно чёрный.

Она наклонилась.

— Не трогай.

Анна резко обернулась. Голос принадлежал не матери.

За калиткой стояла Шушан. Сегодня на ней был другой платок — тёмно-синий, почти чёрный.

Елена увидела её.

— Где моя мать?

Шушан не ответила.

— Где она?!

Старуха посмотрела на Анну.

— Она всё-таки открыла.

Елена бросилась к ней.

— Что открыла?!

Шушан перевела взгляд на распахнутую дверь дома.

— То, что много лет должно было оставаться закрытым.

Анна почувствовала, как мать сжала её плечо.

— Где Сирануш? — повторил Николай.

Шушан долго смотрела на него, словно решала, достойны ли он ответа.

— Если хотите найти её живой, до заката никого не спрашивайте, куда она ушла.

— Что за бред?

— Коля, подожди.

— Женщина пропала, а она предлагает не искать?!

Шушан повернулась к Анне.

— Девочка понимает.

Все посмотрели на неё.

Анна действительно понимала. Только совсем не то, что имела в виду старуха. Она смотрела на открытую дверь бабушкиного дома и вспоминала сон: пустые комнаты, срубленный орех, крест над кроватью, кровь. И голос: «Не спра-

шивай, если не готова услышать ответ».

— Аня? — позвала мать.

Анна подняла голову и вдруг увидела в окне второго этажа женщину.

Всего на мгновение.

Тёмные волосы, белое лицо. Девушка стояла за стеклом и смотрела во двор; на её шее что-то блеснуло.

Анна моргнула.

Окно было пустым.

— Там кто-то есть.

Николай обернулся.

— Где?

— Наверху.

Отец бросился в дом, Елена крикнула ему вслед, а Анна продолжала смотреть на окно. Она уже знала, что отец никого там не найдёт.

Но знала и другое.

Девушку она видела раньше — на старой фотографии.

Мариам.

Только теперь ей было не шесть или семь, как на первом снимке. Она выглядела так, как могла выглядеть в тот последний год перед исчезновением.

И всё же с того дня прошло почти тридцать лет.

ГЛАВА 4. ДО ЗАКАТА

Николай вернулся со второго этажа через несколько минут, хотя Анне показалось, что прошло гораздо больше времени. Он спускался медленно, придерживаясь рукой за перила, и лицо у него было таким, каким становилось всякий раз, когда отец старался не показать испуг: движения делались сдержаннее, голос — ровнее, а между словами появлялись короткие паузы, словно каждое из них он сначала проверял и только потом выпускал наружу.

— Там никого нет.

Елена всё ещё стояла возле распахнутой двери, прижав ладонь к груди.

— Ты везде посмотрел? В маминной спальне? В кладовой?

— Лена, я сказал — везде.

Она кивнула не потому, что поверила, а скорее потому, что больше не знала, куда можно отправить его искать.

Анна снова подняла глаза на окно. Стекло отражало светлое небо, край соседней крыши и виноградные листья, покачивающиеся на ветру. Девушки там больше не было.

Может быть, показалось.

В последние дни это слово стало почти спасительным. Приснилось. Почудилось. Совпало. Неправильно поняла. Стоило назвать происходящее одним из этих слов, и мир ненадолго становился прежним — состоящим из болезней,

случайностей, старых фотографий и людей, которые слишком любят страшные истории. Только с каждым днём таких слов требовалось всё больше.

— Она была там, — тихо сказала Анна.

Николай посмотрел на дочь.

— Кто?

— Девушка. В окне.

Елена опустила перед ней.

— Может быть, отражение?

— Нет.

— Ты уверена?

Анна вдруг поняла, насколько странным был этот вопрос. Ещё недавно мама убеждала её, что необычных вещей не существует и всему можно найти объяснение, а теперь стояла посреди бабушкиного двора и почти надеялась услышать подтверждение тому, чего сама боялась.

— Она была похожа на Мариам.

Елена выпрямилась. Шушан закрыла глаза, а Николай резко повернулся к ней.

— Кто такая Мариам?

Никто не ответил. Анна почувствовала почти жалость к отцу: последние дни он словно жил в доме, где все двери были открыты для остальных и заперты только перед ним.

— Сестра бабушки, — объяснила она. — Она пропала, когда ей было семнадцать.

Николай посмотрел на жену.

— Ты опять собиралась рассказать мне об этом потом?

— Коля, только не сейчас.

— А когда? Когда исчезнет ещё кто-нибудь? Ваша родственница якобы возвращается с того света, мать исчезает из собственного дома, наша дочь видит в окне девочку, пропавшую тридцать лет назад, а мне все по очереди говорят, что сейчас не время.

Его голос становился громче, слова ударялись о каменные стены двора и возвращались тяжёлым эхом. Шушан выслушала спокойно.

— Кричать бесполезно. Дом не отвечает тем, кто требует.

— Мне плевать, кому отвечает ваш дом.

Старуха впервые посмотрела на него внимательно.

— Зря.

Елена взяла мужа за руку.

— Не надо.

— Да что «не надо»? Ты слышишь, что она говорит?

— Слышу. И меня ничего из этого не устраивает.

В её голосе было столько усталости, что Николай замолчал.

Анна никогда раньше не видела родителей такими. Они часто спорили; иногда отец уходил курить на балкон, а мама потом долго переставляла посуду на кухне, но в тех ссорах всегда оставалось что-то привычное, почти бытовое. Можно было обидеться, хлопнуть дверью, промолчать до утра, а потом всё равно спросить, кому налить кофе. Сейчас между

ними стояло нечто другое. Каждый из взрослых боялся своего, и этот страх уже не помещался в обычные слова.

— До заката осталось несколько часов, — напомнила Шушан.

— Что произойдёт после заката? — спросил Николай.

— Тогда сможете искать.

— А сейчас?

— Сейчас не надо спрашивать людей.

— Почему?

Шушан посмотрела на открытую дверь.

— Иногда, когда человек исчезает, дорогу к нему ещё можно найти. Но стоит слишком многим начать звать его, расспрашивать, искать — и дорога путается.

Николай усмехнулся.

— Вы серьёзно предлагаете нам сидеть и ждать?

— Я ничего вам не предлагаю. Вы всё равно сделаете так, как захотите.

Он достал телефон. Елена перехватила его руку.

— Подожди.

— Ты тоже в это веришь?

Она не ответила сразу.

— Я не знаю. Но если есть хотя бы малейшая вероятность...

Николай долго смотрел на жену, затем убрал телефон в карман.

— До заката. И ни минутой больше.

Шушан кивнула.

— Этого достаточно.

Ожидание оказалось страшнее поисков. Пока человек что-то делает, ему кажется, что происходящее хотя бы немного подчиняется его воле: можно открыть шкаф, заглянуть за дверь, позвонить знакомым, пройти улицу, снова проверить комнаты. Всё это может оказаться бесполезным, но руки заняты и сознанию легче переносить страх. Теперь им было запрещено именно это.

Елена ходила по дому, словно Сирануш могла обнаружиться между старым буфетом и кухонным столом. Поправила занавеску, сложила оставленное на кресле вязание, закрыла сахарницу и надолго остановилась возле чашки, из которой мать, видимо, пила утром кофе. На дне оставался тёмный след.

— Она была здесь.

— Понятно, что была, — отозвался Николай.

— Нет, я не об этом. Мама никогда не оставляет чашку грязной.

Эта маленькая подробность почему-то испугала Анну сильнее распахнутой двери. Она представила бабушку утром: Сирануш наливает кофе, садится, возможно, отламывает кусочек хлеба, думает о чём-то своём. А потом происходит нечто, заставляющее её подняться и уйти, не допив кофе, не закрыв дом, не взяв сумку. Что могло заставить Сирануш забыть всё, чему она сама учила остальных?

Анна тихо вышла во двор. Шушан сидела на скамейке под старым орехом, положив руки на палку и закрыв глаза. Когда девочка приблизилась, старуха сказала:

— Ты слишком громко думаешь.

Анна остановилась.

— Так нельзя.

— Что нельзя?

— Слышать мысли.

Шушан открыла глаза.

— Я их и не слышу.

— Тогда откуда знаете?

— Потому что ты похожа на человека, который разговаривает сам с собой, только рта не открывает.

Анна подумала и села рядом. Над двором лениво двигались виноградные листья, сквозь них просачивался солнечный свет, оставляя на земле дрожащие пятна. С улицы тянуло дымом и чем-то жареным, соседка звала ребёнка домой, далеко лаяла собака. Мир совершенно не замечал, что исчезла Сирануш, и Анне это казалось несправедливым.

— Вы правда умерли?

Шушан улыбнулась.

— Хороший вопрос.

— Мама сказала, бабушка была на ваших похоронах.

— Была.

— Тогда как вы здесь?

— А ты как думаешь?

Анна серьёзно задумалась.

— Может быть, хоронили не вас. Или бабушка ошиблась.

Или вы близнецы.

Шушан рассмеялась; смех у неё оказался неожиданно молодым.

— Нет.

— Тогда вы просто не хотите отвечать.

— Вот это уже ближе к правде.

— Почему все взрослые всё время что-то скрывают?

Старуха некоторое время смотрела на неё.

— Потому что взрослые почему-то считают молчание разновидностью защиты.

— Оно защищает?

— Иногда.

— А иногда?

— Делает хуже.

— Сейчас как?

Шушан перевела взгляд на дом.

— Сейчас уже поздно разбираться.

Анне не понравились эти слова.

— Мариам тоже видела вещи, которых нет?

— Сирануш рассказала?

— Немного. Она сказала, что Мариам слышала вопросы.

— Это было потом.

— А сначала?

Шушан провела пальцами по гладкой рукояти палки.

— Сначала она была просто необычной девочкой. Замечала, кто солгал, понимала, когда человек пришёл с плохими намерениями, заранее знала, что кто-то собирается уйти из дома. Людям нравилось это, пока её знания касались мелочей.

— А потом?

— Потом они поняли, что могут спрашивать.

— Что?

— Всё. Кто украл деньги. Где пропавшая корова. Вернётся ли сын из армии. С кем встречается дочь. Кто виноват в пожаре. Выйдет ли женщина замуж. Родится ли ребёнок. Выживет ли больной.

— И Мариам отвечала?

— Сначала нет. Сирануш запрещала.

— А потом?

Шушан вздохнула.

— Люди умеют убеждать человека, что его дар принадлежит им.

Анна не до конца поняла, но фраза почему-то запомнилась.

— Ей давали деньги?

— Иногда продукты, украшения, обещали услуги. Но чаще говорили, что она обязана помочь, раз умеет.

— Почему обязана?

— Потому что человек всегда найдёт хорошее объяснение, почему ему можно взять чужое.

— А она правда всё знала?

— Нет.

Ответ последовал сразу.

— Она ошибалась?

— Конечно.

— Тогда почему люди верили?

Шушан слегка улыбнулась.

— Люди хорошо помнят то, что сбылось, и быстро забывают то, что не сбылось.

Анне понравилась эта мысль; она решила потом записать её в синюю тетрадь.

— Но были вещи, которые она знать не могла, — продолжила старуха. — Вот этого Сирануш и боялась.

— Какие?

— Однажды Мариам сказала женщине, где лежит письмо от её погибшего мужа.

— Может, видела.

— Дом был в другом городе. Мариам никогда там не бывала.

— Ей могли рассказать. Кто-нибудь мог случайно сказать.

— Мог.

Анна удовлетворённо кивнула.

— Ты очень хочешь найти объяснение, — заметила Шушан.

— Потому что оно должно быть. Всё происходит из-за чего-нибудь.

— Это правда.

— Значит, можно понять.

— Не всегда.

— Почему?

— Потому что иногда причина существует, но человеку она не нравится.

Солнце медленно опускалось. Николай несколько раз выходил во двор и смотрел на часы. Елена обзвонила родственников, но ни разу не спросила прямо, видели ли они Сирануш. Она интересовалась здоровьем, обещала заехать, спрашивала рецепты, которых никогда раньше не спрашивала. Анна заметила, что мама прекрасно умеет получать ответы, не задавая настоящего вопроса.

Никто Сирануш не видел.

За час до заката пришёл дедушка. Он появился за калиткой с небольшой сумкой в руке, будто возвращался из магазина, и первое, что спросил, увидев всех во дворе:

— А вы чего здесь?

Елена бросилась к нему.

— Папа! Где ты был?

Анна никогда прежде не видела, чтобы мама так обнимала своего отца. Геворг растерянно похлопал дочь по спине.

— На рынке. Потом к Арсену заходил. Да что случилось?

— Мама пропала.

Сначала он не понял.

— Куда пропала?

— Мы приехали — дверь открыта, её нет. Машина здесь, документы здесь, телефон не отвечает.

Геворг поставил сумку на землю и только тогда увидел Шушан.

Лицо его изменилось мгновенно. Сумка опрокинулась, по земле покатались два персика.

— Нет.

Шушан поднялась.

— Здравствуй, Геворг.

Он отступил.

— Нет. Ты умерла.

Анна посмотрела на мать. Елена побледнела. Значит, Сирануш не ошиблась: дедушка тоже помнил похороны.

— Я видел тебя в гробу, — прошептал Геворг. — Я сам землю бросал.

Шушан молчала.

— Зачем ты пришла?

— Не за тобой.

Старик закрыл глаза. И впервые за всё это время Анна увидела на лице Шушан настоящее сострадание.

— Сирануш открыла комнату? — спросила она.

Геворг резко посмотрел на дом.

— Какую комнату?

— Ты знаешь.

— Она была закрыта.

— Была.

Дедушка вошёл в дом так быстро, как позволял возраст. Остальные двинулись следом. Анна тоже хотела войти, но Шушан положила ладонь ей на плечо.

— Ты останься.

— Почему?

— Потому что сегодня тебе ещё рано это видеть.

Анна уже открыла рот, чтобы возразить, но из дома донёлся голос дедушки. Не крик. Хуже. Тихое, почти беззвучное:

— Господи...

Через несколько минут Николай вышел во двор.

— Аня, иди к машине.

— Что там?

— Потом.

— Что нашли?

— Анна.

Отец говорил спокойно, но руки у него дрожали.

До заката оставалось меньше десяти минут, когда Елена вернулась во двор. В руках она держала старую деревянную шкатулку. По краям дерево потемнело, а на крышке был вырезан небольшой крест, похожий на тот, который Сирануш показывала Анне на кухне.

— Где она была? — спросила Шушан.

— В комнате.

— Открытая?

Елена кивнула.

— А крест?

— Какой крест?

— Тот, который хранила Сирануш.

Елена открыла шкатулку. Внутри лежала старая ткань.

Пустая.

— Его нет.

В этот момент солнце коснулось дальнего склона, и тени во дворе вытянулись по земле.

Шушан посмотрела на небо.

— Теперь можете искать.

Николай уже доставал телефон.

— С чего начать?

Старуха ответила не ему. Она смотрела на Анну.

— С неё.

Елена мгновенно шагнула между ними.

— Нет.

— Елена...

— Даже не думайте. Она ребёнок. Что бы здесь ни происходило, вы не будете делать с моей дочерью то, что делали с Мариам.

Впервые мать не отступала перед Шушан и не выглядела испуганной. Она стояла прямо, почти закрывая собой Анну, и в этом простом движении было больше любви, чем во множестве ласковых слов, которых девочка от неё так редко слышала.

Шушан долго молчала.

— Я как раз хочу, чтобы этого никогда не случилось.

Анна осторожно выглянула из-за маминой руки.

— Что я должна сделать?

— Ничего, — ответила Елена.

— Посмотреть, — одновременно сказала Шушан.

— На что?

Старуха указала на шкатулку.

Анна подошла ближе. Обычная старая коробка: тёмное дерево, потёртые края, несколько царапин. Мать попыталась удержать её, но девочка мягко высвободила руку.

— Я только посмотрю.

Сначала ничего не произошло. Анна уже успела почувствовать облегчение, когда заметила на внутренней стороне крышки тонкие царапины. Не случайные. Буквы — очень мелкие, почти стёртые.

— Здесь что-то написано.

Николай наклонился, но не увидел. Анна подвинула шкатулку к свету. Слова были на армянском; читала она ещё плохо, поэтому позвала дедушку.

Геворг взглянул на надпись и стал ещё бледнее.

— Папа? — позвала Елена. — Что там?

Он медленно опустил на стул.

— Это почерк Мариам.

— Что написано?

Геворг несколько секунд не мог произнести слова, затем всё-таки перевёл:

— «Если меня не будет, ищите там, где вода не отражает

небо».

Шушан закрыла глаза.

— Что это значит? — спросила Елена.

Дедушка покачал головой.

Анна тоже не знала. Но вдруг вспомнила фотографию. Мариам возле Сирануш, летний день, крест на шее — и почти у самого края снимка каменная стена, за которой виднелся кусочек воды.

— Я знаю, где это.

Все повернулись к ней.

— На фотографии Мариам была вода.

Геворг выпрямился.

— Какая фотография?

— Та, где она маленькая. С бабушкой.

Он закрыл лицо рукой.

— Старое водохранилище.

Шушан медленно кивнула.

— Когда-то там была деревня.

Анна почувствовала, что взрослые снова готовы спрятать прошлое за осторожными словами. Но на этот раз дедушка посмотрел прямо на неё.

— Та деревня, в которой родилась Мариам.

— Она ещё есть?

— Нет.

— Что с ней случилось?

Солнце окончательно исчезло за горами.

— Её затопили.

Они выехали через двадцать минут. Елена категорически не хотела брать Анну, но оставить её было не с кем. Шушан отказалась ехать, сказав, что возле воды её присутствие делает только хуже. Николай снова вспылil, однако спорить времени уже не было.

Анна сидела на заднем сиденье между матерью и бабушкой. За окнами медленно темнели горы, дорога становилась уже, дома встречались всё реже, а потом исчезли совсем. В свете фар возникали камни, кусты и старые деревья, почти сразу пропадая позади.

Геворг молчал. Елена держала дочь за руку — не крепко, просто держала. Анна чувствовала тепло её ладони и думала, что любовь, оказывается, не всегда похожа на книжную. Она может не уметь говорить ласково, не всегда понимать и редко обнимать. Иногда любовь просто сидит рядом в тёмной машине и не отпускает твою руку, потому что больше ничего сделать не может.

— Мам, ты злишься на меня?

— За что?

— Из-за всего этого.

Елена долго смотрела на неё, потом придвинулась и поцеловала в висок.

— Нет.

— Ты хотела, чтобы я была обычной?

Мать закрыла глаза. Анна уже решила, что ответа не бу-

дет, когда Елена сказала:

— Я хотела, чтобы тебе было легко.

Это было совсем не то же самое.

Анна положила голову ей на плечо.

Через некоторое время дорога пошла вниз, и впереди появилась вода — огромная, тёмная, совершенно неподвижная. Она странно лежала между горами и не отражала ни последних полос света на горизонте, ни первых звёзд.

Анна выпрямилась. Внутри стало холодно.

Шкатулка лежала у бабушки на коленях.

И вдруг из неё донёсся тихий стук.

Один раз.

Никто не пошевелился.

Второй.

Елена сильнее сжала руку дочери.

Третий удар прозвучал уже тогда, когда машина остановилась у воды.

ГЛАВА 5. ВОДА, КОТОРАЯ НЕ ПОМНИТ НЕБО

После третьего удара никто не спешил выходить из машины. Звук был тихим, почти будничным, и от этого пугал сильнее: не грохот и не скрежет, которым сразу можно попытаться найти объяснение, а всего лишь три размеренных стука из деревянной шкатулки на коленях у Геворга.

Николай первым нарушил молчание.

— Там что-то внутри.

Он забрал шкатулку, открыл крышку, вынул старую ткань, провёл ладонью по дну и стенкам, затем перевернул коробку и осторожно встряхнул. Ничего.

— Дерево рассохлось. Машина остановилась, что-то сместилось.

Анна посмотрела на отца. Он не верил собственным словам, но, наверное, человеку иногда нужно хоть какое-нибудь объяснение, даже слабое, чтобы решиться открыть дверь и поставить ноги на землю.

Николай вышел первым, за ним Геворг. Елена осталась рядом с дочерью.

— Ты будешь здесь.

— Одна?

Мать посмотрела в тёмное окно и тяжело выдохнула.

— Господи, что я вообще говорю...

Через стекло они видели, как мужчины медленно идут к воде. Узкая полоса фонаря выхватывала камни, сухую траву и остатки старой кладки.

— Ты правда думаешь, что бабушка здесь? — спросила Анна.

— Я уже не знаю, что думать.

— А если её нет?

— Будем искать в другом месте.

— А если она сама ушла?

— Мама не ушла бы, ничего не сказав.

— А если ей пришлось?

Елена повернулась к дочери. В её глазах была та особенная беспомощность, которую взрослые обычно тщательно прячут от детей.

— Ань, пожалуйста. Давай хотя бы несколько минут не будем придумывать самое страшное.

— Я не придумываю.

— Я знаю.

На этот раз в голосе матери не было раздражения. Только усталость. Анна подвинулась ближе и положила голову ей на плечо. Так они сидели, пока возле воды не качнулся свет фонаря и Геворг что-то не крикнул.

Елена сразу открыла дверь.

— Мам, я с тобой.

— Аня...

— Я не останусь одна.

Мать оглянулась на тёмную дорогу и спорить не стала.

— Только рядом со мной.

Сумерки между горами сгущались быстрее, чем в городе. Воздух пах водой, камнем и сухой травой, а тишина казалась такой глубокой, будто за последним поворотом дороги закончился обитаемый мир. Ни машин, ни голосов, ни музыки из домов. Только редкий шорох ветра и вода.

Анна никогда прежде не видела её такой. Вода должна двигаться, играть светом, дробить отражения, менять цвет вместе с небом. Здесь же тёмная поверхность лежала между горами тяжёлым стеклом и почти ничего не отражала. Над головой ещё оставалась бледная полоса вечернего света, но внизу её не было.

— Почему она такая?

— Глубоко, — ответил Геворг.

Николай взглянул на него.

— В глубоких водоёмах тоже отражается небо.

Дедушка промолчал.

Возле берега сохранилась часть каменной стены. Несколько рядов кладки уходили прямо в воду, и Анна вдруг увидела в них не просто камни. Когда-то здесь были дома, дворы, улицы. По ним ходили люди, кто-то вывешивал бельё, кто-то ругал детей за грязные ноги, кто-то вечером закрывал ставни. Потом пришла вода.

— Вся деревня там?

— Почти вся.

— А люди?

— Их переселили.

— Всех?

Геворг бросил на внучку быстрый взгляд.

— Почти.

Это слово Анне уже не нравилось.

— Что значит «почти»?

— Некоторые не хотели уходить.

Елена резко повернулась к отцу.

— Ты мне этого никогда не рассказывал.

— А зачем?

— Папа, кажется, уже поздно спрашивать «зачем».

Геворг опустил на большой камень. За последние часы он словно постарел: плечи ссутулились, движения стали медленнее.

— Там жили семьи, которые считали это место своим не только потому, что родились здесь. Поколениями строили дома, хоронили родителей, венчались, растили детей. Когда пришло решение о переселении, многим казалось, что у них отнимают не землю, а память.

Он назвал год. Анна запомнила: Мариам тогда была подростком.

— Она жила здесь?

— Да. И Сирануш тоже, до переезда.

— Почему бабушка никогда меня сюда не приводила?

— Старалась не возвращаться.

Елена подошла ближе.

— Папа, я устала узнавать половину своей семьи случайно. Сначала Мариам, потом Шушан, теперь деревня. Сколько ещё?

Геворг отвёл взгляд.

— Мариам исчезла здесь? — спросила Елена.

Он вздрогнул, и ответа уже не требовалось.

— Здесь, — повторила она. — Вы думали, что здесь.

— Мы не знали наверняка.

— Почему мне никто не сказал?

— Ты была маленькой.

— А потом?

— Потом уже не было смысла.

Елена коротко рассмеялась без всякого веселья.

— Поразительно. В нашей семье у всего когда-нибудь исчезает смысл рассказывать.

Анна коснулась её руки. Мать не посмотрела, но сразу переплела пальцы с её пальцами.

Николай прошёл дальше по берегу. Свет фонаря скользнул по воде и остановился на чём-то светлом между камнями.

— Здесь что-то есть.

Елена узнала первой.

— Мамин платок.

Она рванулась вперёд, но Николай успел удержать её за

плечо и сам осторожно спустился ниже. Светлый шерстяной платок был мокрым только по одному краю. Анна помнила его: бабушка часто набрасывала его на плечи по вечерам, даже летом, когда в старом доме становилось прохладно.

— Мама была здесь, — прошептала Елена.

Анна смотрела на ткань и чувствовала, что что-то не сходится.

— Он не грязный.

— Что?

— Если бабушка шла сюда, на нём была бы пыль. У дома сухо, здесь тоже. Если платок упал, он должен быть грязным.

Николай поднёс ткань к свету. Она действительно была почти чистой.

— Могла не надевать. Несла в сумке.

— Сумка осталась дома.

Отец ничего не ответил.

Анна присела возле камней. На узкой полоске влажной земли сохранился один след — маленькая босая ступня. Слишком маленькая для Сирануш.

— Пап.

Николай направил фонарь.

Елена побледнела.

— Ребёнок?

— Нет, — сказал Геворг.

— Что значит «нет»?

Он смотрел на след, будто видел не отпечаток ноги, а че-

ловека, которого давно не существовало.

— Мариам ходила босиком.

Николай медленно выпрямился.

— Это уже слишком. След мог оставить кто угодно. Здесь бывают люди.

— Бывают, — согласился Геворг. — Только дорога закрыта много лет.

— Мы только что по ней проехали.

— Потому что у меня остался ключ от шлагбаума.

Анна вспомнила, как дедушка выходил из машины примерно за километр отсюда.

— Значит, сюда никто не ездит?

— Почти никто.

Снова это слово. «Почти» в этой семье означало слишком многое.

Анна достала маленькую записную книжку, которую попросила у отца после появления большой синей тетради. На чистой странице написала: «Платок чистый». Ниже: «След босой ноги. Маленький». Подумала и добавила: «Почему бабушка приехала сюда без машины?»

— Что ты делаешь? — спросила мама.

— Записываю. Потом забуду детали.

Елена посмотрела на мужа.

— Пусть, — неожиданно сказал Николай.

Анна благодарно кивнула. Это был их маленький союз против хаоса: если происходящее нельзя понять сразу, его

хотя бы можно записать.

Они продолжили идти вдоль берега. После затопления всё изменилось: там, где когда-то проходила улица, рос кустарник, от одного дома сохранился угол стены с оконным проёмом, от другого — несколько камней. Анна старалась представить прежнюю деревню: женщину, вывешивающую бельё; детей на пыльной дороге; чей-то голос, зовущий их обедать; Мариам, ещё не семнадцатилетнюю, идущую босиком по тёплым камням. Сирануш тогда тоже была не бабушкой, а просто старшей сестрой. Наверное, смеялась чаще.

Впервые вместо страха Анна почувствовала печаль. Все эти люди когда-то были уверены, что их дома будут стоять всегда. А потом оказалось, что даже улицу можно утопить.

— А кладбище?

Геворг остановился.

— Почему ты спросила? — насторожилась Елена.

Анна пожала плечами. Если деревню затопили, что стало с мёртвыми?

— Перенесли, — ответил дедушка.

— Всех?

Он не сказал привычное «почти», но пауза оказалась хуже.

— Не всех нашли. Некоторые могилы были очень старыми, без надписей. Земля осыпалась, документы потерялись.

— И их оставили? — спросил Николай.

Геворг кивнул.

Анна посмотрела на чёрную воду и впервые подумала о том, что внизу находятся не только стены и дороги. Ей сразу захотелось отойти от берега.

Каменную лестницу они нашли почти случайно. Три ступени уходили вниз, прямо к воде.

— Здесь был дом, — сказал Геворг.

— Чей?

Дедушка не ответил.

— Мариам? — догадалась Анна.

— Их дом. Сирануш и Мариам. После смерти родителей он остался Сирануш, а раньше принадлежал их отцу.

— Моему прапрадедушке? Как его звали?

— Ованес.

Анна записала имя.

— Какой он был?

Геворг неожиданно улыбнулся.

— Сложный.

— Это плохой?

— Не обязательно.

— Тогда какой?

Он немного подумал.

— Человек, который был уверен, что знает, как правильно для всех остальных.

Анна решила, что таких взрослых встречала много.

— Он верил Мариам?

Улыбка исчезла.

— Слишком сильно. Когда о её способности узнали, люди сначала приходили тайком, потом перестали скрываться. Ованес решил, что это Божий дар. Сирануш считала, что сестру нужно оставить в покое. Они постоянно ссорились.

Анна представила: отец приводит людей, люди задают вопросы, Мариам отвечает, а Сирануш пытается закрыть перед ними дверь.

— А крест?

— Его дал Мариам отец. Сказал, что он защитит.

— От чего?

— От того, что приходит вместе с ответами.

Елена медленно села на камень.

— Пап, ты сам слышишь, что рассказываешь? Ты веришь во всё это?

Геворг долго молчал.

— Я верю, что Мариам боялась.

Эти слова изменили образ девушки сильнее всего, что Анна слышала прежде. Не таинственная пророчица. Не девочка, наслаждавшаяся вниманием и красивым даром. Просто человек, которому было страшно.

— Чего она боялась?

— Сначала, по её словам, ответы приходили изнутри. Будто она просто знала. Потом начала слышать голос.

По воде прошёл ветер, впервые нарушив её неподвижность.

— Какой голос?

— Не знаю. Сначала он отвечал на вопросы.

— А потом?

Геворг замолчал.

— Потом сам начал задавать их.

Елена обняла себя руками.

— Какие?

— Этого она никому не рассказывала. Возможно, Сира-нуш знала больше.

Анна вспомнила надпись на шкатулке: «Если меня не будет, ищите там, где вода не отражает небо».

— Значит, Мариам знала, что исчезнет?

— Возможно.

— Почему тогда не ушла?

Никто не ответил.

Анне казалось ужасно несправедливым знать о грядущей беде и всё равно не суметь её избежать. Если знание ничего не меняет, зачем оно вообще нужно?

Шкатулка снова стукнула. На этот раз один раз.

Николай едва не выронил её.

— Вот теперь я точно ничего не делал.

Он поставил коробку на камень и открыл. Внутри по-прежнему лежала только ткань.

— Можно? — спросила Анна.

— Нет, — сразу сказала Елена.

Но Геворг вдруг поднял руку.

— Подожди.

Он медленно развернул ткань. При свете фонаря на ней проступало слабое красноватое пятно, словно когда-то ею вытирали кровь, а потом много раз стирали.

— Раньше оно было? — спросил Николай.

Елена покачала головой.

Геворг провёл пальцами по краю ткани и остановился.

— Здесь что-то зашито.

Он достал складной нож, осторожно распорол старый шов, и из подкладки выпал крошечный почерневший ключ.

Дедушка долго смотрел на него, затем резко поднялся.

— Не может быть.

— Что?

— В доме был подвал.

Николай оглядел воду.

— Теперь он под водой.

— Не весь год. Когда уровень падает, вход иногда появляется.

Геворг направил фонарь левее. Луч прошёл по камням и остановился на тёмной нише, почти скрытой кустарником. Её действительно невозможно было заметить, если не знать, куда смотреть.

Перед входом лежали большие камни, земля и сухие ветви, будто кто-то когда-то намеренно старался спрятать проход. Николай расчистил его, и за камнями обнаружилась деревянная дверь — удивительно хорошо сохранившаяся для места у воды.

— Это невозможно, — сказал он. — Дерево столько не простоит.

Геворг не ответил.

В двери был маленький замок. Ключ вошёл точно.

Елена схватила отца за руку.

— Подожди. Если мама пришла сюда, почему дверь закрыта?

— Может, не она.

— Тогда кто?

Никто не знал.

Анна стояла чуть позади взрослых и впервые чувствовала, что не хочет знать ответ. Обычно любая загадка тянула её к себе: хотелось разобрать, понять, найти недостающую часть. Теперь ей хотелось оставить дверь закрытой.

«Не спрашивай, если не готова услышать ответ».

Возможно, дело было не в том, что ответ окажется страшным. Некоторые ответы просто невозможно потом забыть.

— Папа, не открывай.

Николай обернулся.

— Почему?

— Не знаю.

Он посмотрел на дочь внимательнее, чем обычно, потом на Геворга.

— Есть другой способ попасть внутрь?

— Нет.

— А если Сирануш там?

Анна промолчала.

Николай положил руку на дверь. Елена встала рядом.

— Вместе.

Ключ повернулся тяжело. Раздался сухой щелчок, дверь приоткрылась, и изнутри потянуло холодом — не сыростью и плесенью, которых следовало ждать от старого подвала, а слабым запахом дыма.

Анна сразу вспомнила сон: почерневший виноград, срубленный орех, распахнутую дверь и кровь на кресте.

— Горелым пахнет.

Николай поднял фонарь. За дверью начиналась лестница, уходившая вниз. Первые ступени были мокрыми, дальше камень казался сухим. На стене темнели следы копоты.

— Здесь был пожар.

Геворг застыл.

— Пожар был в другом доме.

— Когда?

Он снял очки и медленно протёр их краем рубашки.

— В ночь, когда исчезла Мариам.

Из глубины доносился звук воды. Капля. Пауза. Ещё одна.

Потом — тишина.

И вдруг оттуда, очень далеко, словно через множество закрытых дверей, раздался женский голос:

— Аня...

Елена резко обернулась к дочери. Николай поднял фонарь. Геворг перекрестился.

Голос прозвучал снова.

— Анечка...

Так её называл только один человек.

Сирануш.

Анна шагнула к двери, но мать мгновенно схватила её за руку.

— Нет.

Из подвала донёсся третий зов:

— Анечка, помоги мне.

Анна застыла. Не потому, что испугалась, а потому, что вспомнила бабушкины слова.

Если когда-нибудь услышишь, что кто-то зовёт тебя ночью, не отвечай.

А если это будешь ты?

Особенно если это буду я.

По спине медленно поднялся холод.

— Анна... — почти ласково позвал голос.

Девочка сжала губы.

И не ответила.

ГЛАВА 6. ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ

Несколько секунд никто не двигался. Казалось, даже вода за спиной перестала шуметь, хотя совсем недавно Анна слышала, как маленькие волны ударялись о камни. Теперь существовал только тёмный проём в стене, лестница, уходящая вниз, и голос, который уже не звал.

Он ждал. Анна почувствовала это почти физически. Не как звук.

Как ожидание. Мама держала её за руку так крепко, что пальцы начинали болеть, но Анна не пыталась освободиться. Наоборот, сама прижалась ближе.

— Это бабушка, — прошептала Елена.

Шёпот прозвучал страшнее крика.

— Нет, — сказала Анна.

Мама резко посмотрела на неё.

— Ты же слышала.

— Слышала.

— Это её голос.

Анна кивнула.

— Поэтому и нет.

Елена нахмурилась. Анна не знала, как объяснить. Голос действительно был бабушкиным. Те же интонации, та же мягкость в слове «Анечка», тот же чуть хриловатый звук на последних слогах. Всё совпадало.

Кроме одного. Сирануш никогда не просила помощи таким голосом. Если ей было больно, она терпела. Если страшно — становилась строже. Если что-то происходило, сначала спасала других, а потом уже себя. В голосе из темноты было что-то неправильное, что-то слишком жалобное, словно тот, кто говорил, знал, каким образом легче всего заставить ребёнка сделать шаг.

— Бабушка сказала мне не отвечать, — тихо произнесла Анна.

Елена вздрогнула.

— Когда?

— Когда Шушан приходила.

— Что именно она сказала?

Анна повторила. Мама медленно отвернулась к проходу. Николай, до сих пор молчавший, подошёл ближе к двери и направил фонарь вниз.

— Если там Сирануш, мы всё равно должны проверить.

— Ты пойдёшь? — спросила Елена.

— Да.

— Один?

— Так будет лучше.

— Нет.

— Лена.

— Нет, Коля. Я не останусь здесь ждать.

Геворг сидел на камне и смотрел куда-то мимо них. Он словно снова оказался в далёком прошлом и слышал не се-

годняшний голос, а другой, который когда-то уже раздавался в этом месте. Анна подошла к нему.

— Дедушка.

Он не ответил. Она коснулась его рукава.

— Дедушка.

Геворг вздрогнул и посмотрел на неё.

— Что?

— Ты слышал такой голос раньше?

Его лицо изменилось. Ответ был написан раньше, чем он заговорил.

— Да.

Елена медленно повернулась к отцу.

— Когда?

Он долго молчал. Потом сказал:

— В ту ночь.

Николай закрыл глаза.

— Конечно.

Елена не отреагировала на его раздражение.

— В какую ночь?

Геворг посмотрел на дочь.

— Когда пропала Мариам.

Тишина стала почти тяжёлой.

— Расскажи, — сказала Елена.

— Не сейчас.

— Папа.

— Не сейчас.

— Вот именно из-за этого мы ничего не знаем!

Он резко поднялся.

— Потому что некоторые вещи лучше не знать!

Елена отступила. Геворг никогда не кричал на неё. Анна это почувствовала сразу.

Старик тяжело дышал. Потом словно сам испугался своего голоса и опустил голову.

— Прости.

Елена ничего не ответила. Геворг сел обратно.

— Я не хочу, чтобы вы повторили то, что было тогда.

— Тогда расскажи, — тихо сказала она. — Иначе мы всё равно повторим.

Эти слова подействовали. Геворг долго смотрел на руки.

— Когда Мариам исчезла, Сирануш пришла сюда первой. Я был с ней.

Анна подняла глаза.

— Ты тоже?

— Да.

— Сколько тебе было?

— Двадцать.

— А бабушке?

— Двадцать три.

— Почему вы пришли ночью?

Геворг тяжело вздохнул.

— Потому что Мариам оставила записку.

— Такую же, как на шкатулке?

— Почти.

Анна слушала, не перебивая.

— Она написала, что должна вернуться в старый дом. Деревню тогда уже готовили к затоплению, большинство людей уехало. Некоторые дома стояли пустыми. Вода ещё не поднялась так высоко, как сейчас.

— И вы пошли за ней?

— Да.

— Нашли?

Он покачал головой.

— Нашли только следы.

— Какие?

Геворг посмотрел на тёмный проход.

— Её обувь. Платок. И крест.

Анна почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Крест был здесь?

— Да.

— Тогда почему он потом оказался у бабушки?

— Потому что Сирануш забрала его.

— Зачем?

Геворг ответил не сразу.

— Потому что решила, что именно из-за него всё произошло.

Николай нахмурился.

— И всё равно хранила?

— Она пыталась уничтожить.

— Как?

— Сначала бросила в огонь.

Анна посмотрела на копоть на стенах.

— Поэтому был пожар?

— Нет. Пожар начался раньше.

— А крест сгорел?

Геворг медленно покачал головой.

— Нет.

— Совсем?

— Нет.

Николай коротко усмехнулся.

— Металл иногда выдерживает огонь.

Геворг посмотрел на него.

— Он был деревянным.

Николай замолчал. Анна тоже.

— Потом Сирануш бросила его в воду, — продолжил девушка. — На следующий день крест лежал у неё дома.

Елена закрыла лицо ладонью.

— Папа...

— Я знаю, как это звучит.

— Ты сам видел?

— Нет.

— Тогда, может быть...

— Я видел, как она бросала его в воду. А утром видел крест на столе.

Николай хотел что-то сказать, но промолчал. Наверное,

даже для него объяснений становилось слишком мало. Голос позвал снова.

— Аня...

Теперь он звучал значительно ближе. Елена вздрогнула всем телом.

— Мама...

Анна почувствовала, что мать собирается войти. Она схватила её за платье.

— Не надо.

— Если она там...

— Это не она.

— Ты не можешь знать.

— Могу.

Мама посмотрела на дочь. Анна впервые сказала это настолько уверенно.

— Почему?

Анна задумалась. Потом произнесла:

— Бабушка знает, что я слушаюсь её.

— Что?

— Она сама сказала не отвечать, если будет звать. Значит, если бы это была она, она бы не звала.

Елена замерла. Николай медленно кивнул.

— Логично.

Геворг посмотрел на внуку и неожиданно улыбнулся. Со всем чуть-чуть.

— Ты действительно её внучка.

Анна не поняла, похвала это или нет. В подвал всё равно нужно было войти. Решили, что пойдут Николай и Геворг. Елена останется наверху с Анной.

Отец проверил фонарь, достал второй из машины и протянул его дедушке. Перед тем как войти, он присел возле дочери.

— Я ненадолго.

— Хорошо.

— Ты остаёшься с мамой.

— Хорошо.

— И никуда...

Анна закатила глаза.

— Я поняла.

Николай улыбнулся. Потом вдруг обнял её. Это было неожиданно.

Отец обычно не проявлял тревогу так открыто.

— Пап?

— Всё нормально.

Анна поняла, что ничего нормального нет. Но обняла его в ответ.

— Возвращайся.

— Обязательно.

Он встал. Геворг перекрестился. И они спустились.

Свет фонарей постепенно исчезал внизу. Сначала были слышны шаги. Потом голоса.

Потом ничего. Елена сидела рядом с дочерью на камне.

Анна чувствовала, как мама дрожит.

— Холодно? — спросила она.

— Немного.

Анна знала, что мама врёт. Но не стала говорить. Она просто придвинулась ближе.

Прошло несколько минут. Потом из темноты донёсся крик. Мужской.

Елена вскочила.

— Коля!

Анна тоже поднялась.

— Мама, стой!

Но мать уже шагнула к двери. Внутри снова раздался голос. На этот раз отец кричал:

— Не спускайтесь!

Елена остановилась.

— Что случилось?!

Ответа не было. Потом появился свет. Николай вышел первым.

Лицо у него было белым. В руке он держал что-то маленькое.

— Где папа? — спросила Елена.

Николай ничего не сказал.

— Коля?

— Он идёт.

Через несколько секунд появился Геворг. Он поднимался медленно, словно каждый шаг давался ему с трудом. В руках

у него была фотография.

Старая. Мокрая. Анна сразу увидела женщину на снимке.

Мариам. Только фотография была не той, которую она нашла у бабушки. Здесь Мариам была старше.

Лет семнадцати. Она стояла возле этого самого входа. Одна.

На шее у неё висел крест. А рядом, почти за её плечом, был человек. Лицо не попало в кадр.

Только рука. И кольцо. Геворг смотрел на снимок так, словно видел призрака.

— Я знаю это кольцо, — сказал он.

Елена приблизилась.

— Чьё?

Дедушка поднял глаза.

— Моего отца.

— Ованеса?

Он кивнул. Анна посмотрела на фотографию.

— Значит, он был здесь вместе с Мариам.

Геворг закрыл глаза.

— Да.

— В ночь, когда она пропала?

— Фотография сделана за день до этого.

Николай нахмурился.

— Где вы её нашли?

— В комнате внизу.

— Там есть комната?

Геворг посмотрел на него.

— Есть.

— Что ещё?

Дедушка ничего не ответил. Николай сам сказал:

— Там была кровать.

Елена побледнела.

— И?

— Цепь.

Повисла тишина. Анна не сразу поняла.

— Какая цепь?

Николай посмотрел на дочь.

— Неважно.

— Папа.

— Анна.

— Для чего цепь?

Мать закрыла глаза. Геворг прошептал:

— Чтобы человек не ушёл.

Анна почувствовала, как внутри всё стало холодным.

— Мариам?

Никто не ответил. Но ответ был очевиден. Они нашли и другие вещи.

Не сразу. Николай несколько раз возвращался вниз, уже без Анны и Елены. Он вынес маленькую жестяную коробку, несколько листов бумаги и потрёпанную тетрадь с потемневшими страницами.

Геворг узнал почерк.

— Ованес.

— Это его дневник? — спросила Елена.

— Похоже.

Анна смотрела на тетрадь. Она вдруг почувствовала сильное желание прочитать всё. И одновременно страх.

— Можно дома? — спросила она.

Мама посмотрела на неё.

— Что?

— Читать.

— Аня, это не детское.

— Это про нашу семью.

Елена хотела возразить. Но Геворг неожиданно сказал:

— Пусть знает.

Все посмотрели на него.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Папа, ей шесть.

— Мариам было семь, когда всё началось.

Елена замолчала. Геворг опустил перед внучкой.

— Только запомни одну вещь.

Анна смотрела на него внимательно.

— Если тебе когда-нибудь станет страшно от того, что ты узнаешь, ты имеешь право остановиться.

— А если надо знать?

— Иногда знать не важнее, чем остаться собой.

Анна запомнила. Они уже собирались уходить, когда из

подвала снова донёлся звук. Не голос.

Плач. Тихий. Женский.

Елена закрыла рот рукой. Николай взял фонарь.

— Нет, — сказал Геворг.

— Что?

— Не надо.

— Там может быть Сирануш.

— Нет.

— Откуда вы знаете?

Геворг смотрел в темноту.

— Потому что я слышал этот плач тридцать лет назад.

Анна почувствовала, как волосы на руках поднялись.

— Мариам?

Дедушка кивнул. Плач продолжался. Тихо.

Почти беззвучно. Как будто человек давно устал плакать и теперь просто не мог остановиться. Анна сделала шаг к проходу.

Мама удержала её.

— Не надо.

Анна посмотрела в темноту. И вдруг услышала слова. Со-
всем слабые.

— Я не хотела...

Она замерла.

— Вы слышали?

Николай покачал головой.

— Что?

— Она сказала.

— Что?

Анна прислушалась. Плач исчез. Голос повторил:

— Я не хотела отвечать.

Анна почувствовала, как сердце ударило сильнее.

— Она говорит.

Елена посмотрела на мужа.

— Ты слышишь?

— Нет.

Геворг тоже не слышал. Только Анна.

— Что она говорит? — спросил он.

Анна прикрыла глаза. Из темноты пришёл новый шёпот.

— Он заставляет.

— Кто? — спросила Анна.

Мама резко схватила её за плечо.

— Не отвечай!

Но было поздно. Анна уже задала вопрос. Тишина длилась несколько секунд.

Потом голос произнёс имя.

— Ованес.

Геворг вскрикнул. Анна открыла глаза. В темноте подвала что-то изменилось.

Не звук. Не свет. Воздух.

Он стал тяжёлым. Душным. Из глубины донёсся скрежет.

Будто кто-то медленно тянул цепь по каменному полу.

Николай захлопнул дверь. Ключ повернулся.

Скрежет продолжался ещё несколько секунд. Потом исчез. Они уехали почти сразу.

В машине никто не разговаривал. Анна сидела между мамой и дедушкой и смотрела на тёмную воду, удаляющуюся за окном. Она понимала, что совершила ошибку.

Бабушка предупреждала не отвечать. Шушан говорила о вопросах. Дедушка рассказывал, как всё начиналось с простого любопытства.

А Анна сделала именно это. Спросила. Она смотрела на свои руки.

— Мам.

Елена повернулась к ней.

— Что?

— Я ответила.

— Нет.

— Я спросила.

— Это другое.

Анна покачала головой.

— Наверное, нет.

Мать обняла её.

— Ты ничего плохого не сделала.

Анна не была уверена. За окном снова появилась дорога. Она достала маленькую записную книжку.

Долго смотрела на чистую страницу. Потом написала: Я слышала Мариам. Под этой строкой: Она сказала: Ованес заставлял её отвечать.

И ещё ниже: После моего вопроса появилась цепь. Анна остановилась. Подумала.

Добавила последнюю строку: Вопрос тоже может быть поступком. Она закрыла книжку. Когда они вернулись к бабушкиному дому, во дворе горел свет.

Елена первая заметила.

— Мы его оставляли?

Николай покачал головой. Машина остановилась. Входная дверь была закрыта.

Все замерли.

— Мама? — прошептала Елена.

Она побежала. На этот раз никто не успел остановить. Дверь оказалась незапертой.

— Мама!

Елена исчезла внутри. Через несколько секунд раздался крик. Но другой.

Не от страха.

— Мама!

Анна бросилась следом. В кухне за столом сидела Сирануш. В том же платье, в котором они видели её утром.

Перед ней стояла чашка. Она спокойно пила чай. Елена упала перед ней на колени и обняла.

— Где ты была?!

Сирануш растерянно посмотрела сначала на дочь, потом на остальных.

— Что значит где?

— Мы тебя весь день ищем!

— Зачем?

— Мама!

Сирануш поставила чашку.

— Я была дома.

Николай медленно вошёл в кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.